

ПАЛЕОНТОЛОГИЧЕСКИЙ МУЗЕЙ

Акад. А. А. БОРИСЯК

х

Свое начало Палеонтологический музей ведет от Кунсткамеры Петра I, в которой, по мысли основателя Академии, на ряду с другими достопримечательностями должны были собираться и остатки „допотопных животных“. Кунсткамера явилась родоначальницей большинства научных музеев Академии, которые дифференцировались параллельно с развитием науки. Так, первоначально Академия имела один Минералогический музей, представлявший все геологические науки. Позднее он стал называться Геологическим и минералогическим музеем; затем разделился на два самостоятельных музея, которые уже в наши дни (1930 г.) образовали пять учреждений. Одним из пяти учреждений, на которые распался б. минералогический музей, был Палеозоологический институт. Каждое учреждение имело свою выставочную часть — музей; так возник и Палеонтологический музей (впоследствии и институт и музей были переименованы в Палеонтологический институт и Палеонтологический музей).

Формально Палеозоологический музей не насчитывает и десяти лет существования, тогда как по существу палеозоологические объекты собирались и хранились Академией Наук более 200 лет.

Музеи старой Академии представляли, большею частью, личные лаборатории отдельных академиков, занимавших данную кафедру в Академии. Это отражалось, естественно, и на тематике „музея“ и на содержании его собраний, представлявших тот материал, над которым работал академик со своими обычно весьма малочисленными сотрудниками. В Геологическом и минералогическом музее, чтобы не заходить в очень отдаленные времена, с 80-х годов прошлого века и до революции разрабатывались следующие темы: прибалтийский силур и геология Сибири (акад. Шмидт), геология севера русской платформы (акад. Чернышев), геология и палеонтология южно-русских третичных отложений (акад. Андрусов). Кроме штатных сотрудников (Геологический музей до революции имел одного штатного сотрудника), в музее всегда работали

А

добровольцы (часто не получая содержания), вносящие свои темы и материалы. Так, в конце прошлого века в Геологический музей поступила известная Северо-Двинская коллекция пермских рептилий проф. Амалицкого, который предполагал развернуть в музее свои работы, что, впрочем, не осуществилось; работать над этими коллекциями начал уже после смерти Амалицкого акад. Сушкин со своими учениками. А с начала XX в. в музей стали поступать коллекции третичных млекопитающих, местонахождения которых чем далее, тем все энергичнее разрабатывались.

Вот эти два собрания — Северо-Двинская галерея и остеологическая коллекция третичных млекопитающих — легли в основу работ Палеозоологического института. Остальные палеонтологические коллекции, коллекции беспозвоночных, связанных с вопросами стратиграфии, остались в Геологическом институте. В этом разделении отразилось двойное значение палеонтологических остатков. С одной стороны, они — объекты биологической дисциплины палеонтологии, восстанавливающей по ним историю жизни на земле. С другой, палеонтологические объекты служат руководящими ископаемыми для геолога, помогающими ему в решении ряда вопросов и — прежде всего — кардинального вопроса о возрасте пластов земной коры. Чтобы быть руководящими, окаменелости должны иметь широкое распространение; таковыми являются остатки многих морских беспозвоночных. Геология стремится поэтому завладеть этим разделом палеонтологии, всецело подчинить его своим интересам.

А между тем остатки беспозвоночных являются такими же биологическими объектами, служащими для восстановления истории жизни на земле. Мало того, палеонтологические остатки дают тем больше и геологу, чем глубже они освещены биологически. Именно это и было одной из главных целей создания Палеозоологического института, который должен был разрабатывать биологические вопросы (морфологии, филогении, систематики), разрешение которых в то же время способствовало более успешному обслуживанию палеонтологией бурно разраставшихся в Союзе геологических работ.

Вот почему с первых же шагов институт стал развивать и работы над беспозвоночными, но они более широко могли быть поставлены лишь после переезда Академии Наук в Москву.

После Великой Октябрьской социалистической революции Геологический музей получил прекрасное помещение (до того в течение нескольких десятков лет он был закрыт для публики из-за тесноты помещения), в котором два обширных зала были отведены под упомянутые Северо-Двинский и Остеологический отделы выставки. В таком виде они перешли и Палеозоологическому институту.

Одной из задач, которую поставил себе новый институт, было систематическое изучение местонахождений позвоночных и планомерные

их раскопки. Несмотря на то, что эти работы не могли быть развернуты в полной мере, как этого требовал огромный научный материал наших богатейших местонахождений, коллекции института быстро росли и в течение пяти лет, к концу ленинградского периода его работы, залы были заполнены до отказа и уже не могли вместить часть нового материала.

Что же представлял собою в это время Палеозоологический музей?

Музеи Академии того периода, как сказано, были тесно связаны с работой соответствующих институтов: в музее выставлялись работы института. Однако пожелания посетителей, число которых с каждым месяцем возрастало, и необходимость представить свои работы на фоне общих успехов палеонтологии, выявить отчетливее их значение для восстановления истории органического мира на земле заставляли расширять экспозицию. Пополнение шло двумя путями: прежде всего, за счет оригинальных объектов или слепков, получаемых в обмен на наши материалы от иностранных музеев; главнейший материал был получен от Американского естественно-исторического музея в Нью-Йорке, в том числе превосходный слепок с черепа *Baluchitherium* (такой слепок кроме нашего музея имеется в Европе лишь в Британском музее), от Шведского палеонтологического института, ведшего большие раскопки в Китае, и др. С другой стороны, выставка объектов дополнялась плакатами, текстами, филогенетическими деревьями, оттенявшими значение наших материалов, но выходившими далеко за пределы разрабатываемых институтом тем.

Именно таким способом главным образом иллюстрировались в музее беспозвоночные: коллекции по различным их группам были еще слишком скудны, чтобы показывать их широкой публике, за исключением насекомых, по которым в течение нескольких лет, благодаря энергии А. В. Мартынова, Институт собрал крупнейшие материалы, а пермские собрания насекомых вскоре же стали одними из богатейших в мире.

Для всех типов беспозвоночных были изготовлены изображения филогенетических деревьев и затем одно общее древо для всего животного мира; они иллюстрировали как фактически известную нам часть родословных различных групп, начиная с кембрийского периода, так и гипотетическую часть докембрийских эр, от которых не сохранилось ископаемых остатков. Из этих филогенетических деревьев снова обращает на себя внимание древо насекомых, заново переработанное А. В. Мартыновым, изображающее генетические отношения различных групп.

Другую крупную оригинальную работу такого рода была схема взаимоотношения отрядов и семейств животного мира, составленная проф. Д. М. Федотовым и служившая исходным пунктом для экскурсий.

Кроме вопросов систематики, морфологии и филогении институт придавал большое значение разработке экологии ископаемых животных.